

Нора Георгиевна Адамян

Белый гриб

Приехали мы рано утром. Нас предупредили, что на станции поезд стоит всего две минуты. Катя очень волновалась — успеем ли, мы выгрузиться. Но оказалось, что две минуты — это совсем не так мало. Корзина, чемодан, узел с постелью и набитые авоськи лежали кучкой на платформе маленькой станции, мы стояли рядом и ждали, когда наконец уйдет уже ненужный нам поезд. А он только шипел и отфыркивался, будто набираясь сил для новой дороги.

Когда отстукал колесами последний вагон, нам открылись поля, зубчатая темная полоса леса, стало слышно, как чирикают птицы.

— Самое поселение — это километров десять отсюда, — сказал нам старик сторож, — туда вам с вещами на машине надо.

— А бывают здесь машины?

— Бывать бывают. Только сейчас нет.

Я опечалилась. Глядя на меня, загрустила Катя. Сторож походил вокруг нас и опросил:

— А вы кто будете — отдыхающие или жители?

Когда он узнал, что я врач и еду на работу, то сразу оживился. Перенес наши вещи за станционный домик, ближе к проезжей дороге, попенял на меня за то, что я не дала телеграмму в колхоз или сельсовет, и пообещал:

— На машину я вас усажу. Тут сейчас Борис Палыч на тракторе поедет. Отвезет.

Присев на чемодан, он засучил широкую парусиновую штанину и показал мне ногу с сетью набухших синих вен.

— С утра ничего, а к вечеру ноет. И вроде бы опухает. Помощь какую-нибудь дашь?

Я велела ему прийти в амбулаторию или ко мне домой.

— Да ведь дома-то у тебя пока нет, — сказал дед, — не готов еще твой дом-то. Квартировать пока придется.

Это печальное известие подтвердил и Борис Палыч, подъехавший к нам на тракторе, к которому была прицеплена тележка-вагонетка. У него оказалось измазанное мазутом лицо, выгоревшие на солнце волосы и голубые глаза. Он быстро уложил в тележку наши вещи, устроил мне удобное сиденье. Двигался и работал Борис Палыч ловко и складно, а говорил неохотно и запинаясь.

Выяснилось, что старый врач, который ушел на пенсию, жил в своем собственном доме, а для нового доктора собирались при амбулатории пристроить комнату, но пока только завезли кирпич.

— Мама, где же мы будет жить? — забеспокоилась Катя.

— Да устройтесь где-нибудь, устройтесь, — успокаивал нас сторож.

Трактор так громыхал, что разговаривать было невозможно. Один раз Борис Палыч остановился возле палатки. Тут спал сменный тракторист. Борис Палыч разбудил его, передал какие-то свертки и о чем-то поговорил. А мы с Катей, прогуливаясь у речки, решали вопрос — должны ли мы предложить трактористу денег за то, что он довезет нас до села.

Дело в том, что в дороге с нами произошла конфузная история. На одном полустанке в наш вагон сел старик. Он вез корзину клубники, отсыпал ягод в лукошко и все угощал Катю: «Возьми, девочка, возьми». Катя от угощения не отказывалась. А потом старик собрался выходить и заявил: «Рассчитаться бы теперь надо, дамочка, за ягоды». Это нас очень огорчило и мы решили извлечь уроки...

Перед тем как ехать дальше, Борис Палыч пошел с Катей на речку умываться. Минут через десять ко мне мчалась по жнивью Катя вперегонки с длинноногим юношей. Он легко обогнал мою дочку, но у межи великодушно поотстал, и ко мне они подбежали, уже взявшись за руки.

Катя видела гнездо с птенцами, Боря показал ей в реке стайку головлей и обещал сделать удочку и подарить ручного ежа.

Так произошло превращение Бориса Палыча в Борю.

— Вы сами здешний? — спросила я.

— Да. Но у нас дом маленький, сельский. Я вас в другом месте устрою. Вам понравится.

Катя потребовала:

— Мама, я тебе что-то скажу на ухо...

И со всей силой убежденности громко зашептала:

— Ни в коем случае... Понимаешь? Про деньга — ни в коем случае!

Село лежало на пригорке. Меня огорчило, что в нем мало зелени. Только у амбулатории, на которую мне указал Борис, росли кусты сирени.

Мы остановились еще раз — возле библиотеки. На крыльцо встречать нас выбежала девушка. Тракторист снял с тележки несколько связок книг и передал ей.

— Боря, — сказала девушка, — в субботу у нас обсуждение будет: «Герои наших дней», — по прочитанным книгам. Придешь?

— Ну, время нашли. У меня уборка.

— Но ведь в субботу, Боря...

— А для нас все дни теперь одинаковые. «Пока не уберем — сидим за рулем».

Мы на своем стане такой плакат повесили.

Девушка засмеялась.

— А сейчас ты куда едешь?

— Да вот доктора надо на квартиру устроить.

— Ой, значит вы доктор?

Девушка сбежала с крыльца, протянула мне руку:

— Наташа.

— Я думаю — им у Вострецовых будет хорошо, — сказал Борис.

— Можно и поближе. У Самойловых есть комната.

— У Самойловых дети. А у Зои Глебовны тихо, культурно...

— Вы знаете, у нас ближе к лесу дачные участки, — объяснила мне Наташа, — там воздух лучше и прохладнее. Только от амбулатории далеко.

— Чего там далеко, километра не будет, — возмутился Борис.

Я сказала, что ходить люблю и расстояние меня не смущает, тем более — это жилище временное.

Наташа кивнула.

— Я ведь тоже в этом поселке живу, соседи будем...

Дача Зои Глебовны оказалась двухкомнатной деревянной избушкой посреди отгороженного участка леса. Перед домом росли кусты одичавших роз и были разбиты грядки с овощами.

У калитки стояла девушка в широком розовом платье с тугой коронкой рыжеватых волос. Она приветливо оглядела нас большими ясными глазами.

— Комнату? Это надо опросить у мамы. — И крикнула: — Mamочка, выйди, пожалуйста, на минутку.

Из дома вышла пожилая женщина.

— Комнату? Не знаю, право... Как договориться, и вообще... Не знаю...

Лизочка, ты как думаешь?

— Вы же сами меня просили насчет жильцов! — удивился Боря.

— Видите ли, — перебила его девушка, — мы вообще комнаты не сдаем. Но я часто уезжаю в город, мама остается одна, так вот — чтоб ей не было скучно...

Вам комнату только на лето?

Узнав, что я буду работать в амбулатории, Лиза на минуту задумалась, а потом опять широко улыбнулась:

— Это хорошо. У мамы слабое сердце, и мне будет спокойнее.

Комнатка была маленькая, но нам понравилась. Насчет платы Лиза рассудила так:

— Конечно, если бы вы только на лето — другое дело. Но вы будете жить постоянно, потому что ведь квартиру при амбулатории вам не скоро выстроят.

И потому мама возьмет дешевле.

Мы уже втащили вещи и располагались в новом жилище, а Борис все топтался у трактора. Лиза на прощанье подала ему руку:

— Завтра я еду в город, а вернусь в субботу. Если придешь — буду рада.

Борис нахмурился.

— В субботу обсуждение в библиотеке, — неуверенно сказал он.

— Ну, если обсуждение в библиотеке интересное, то не приходи. Я, бедная, поскучаю в одиночестве...

— Мама, она похожа на девушку не нашего времени, — определила Катя. —

Я даже думаю, что она тургеневская девушка. А ты как думаешь?

Председатель колхоза Иван Алексеевич попросил, чтобы я принимала в амбулатории не только утром, но и по вечерам.

— Уборка, — пояснил он, — днем никак людям не освободиться.

Я ответила сухо:

— До осени. А зимой из дачного поселка вечерами ходить не стану.

Иван Алексеевич присел на белый табурет, достал пачку папирос, потом взглянул на столик, где я разбирала пузырьки с лекарствами, и сунул папиросы обратно в карман.

— Вот вы, доктор, на нас, конечно, в обиде. А между прочим, сами кругом виноваты.

Я ответила ему, что не первый год работаю на селе и вправе была ждать большего внимания от руководителей колхоза. А если кто виноват, то уж не я.

— Нет, — возразил Иван Алексеевич, — поступки ваши не показывают, что вы опытный человек. Приехали тишком, устроились молчком. И понимаете про себя, что вы лучше всех. А, по-моему, человек должен откровенно требовать, что ему положено. Тогда и спросить с него легко. А то я вроде с поклоном к вам иду.

Я пробурчала, что ошибку никогда не поздно исправить. Но Иван Алексеевич вздохнул:

— Если б в свое время известие получить, тогда положение безвыходное. А сейчас — неужто не подождете? Вы ведь у наших владельцев устроились?

— Владетелей?

— А как их иначе назвать? Ну, дачники, владельцы...

Он поднялся.

— Девочку вашу на жнитве видел. Там библиотекарьша ребят подговорила колоски собирать. Девчушка шустрая. Только на вас не похожа. Чернявая.

— Отец такой был.

Больше Иван Алексеевич ни о чем не спросил. Уходя, пообещал:

— Будет вам к осени помещение под квартиру.

Жизнь наладилась. Мы стали брать в колхозе молоко и овощи, получили воз дров, которые особенно обрадовали нашу хозяйку. Печку мы стали теперь топить сообща, вместе готовили обед, и Зоя Глебовна поверяла мне семейные секреты.

— Моя дочь, как это теперь говорят, дружит. Он сотрудник научного института. Глубоко порядочный молодой человек, с хорошим будущим. Очень тяготеет к этой дружбе, понимаете ли...

Я понимала. Лиза была очень привлекательной девушкой. Она все умела — шила себе платья, вязала, вышивала. Сама обрабатывала дачный участок и каждые три дня увозила в город то корзину клубники или малины, то чемодан огурчиков.

Зоя Глебовна каждый раз пыталась мне объяснить:

— В городе у нас родственники... Так вот угостить и вообще...

Лиза быстрее всех переплывала речку и лучше всех ездил на велосипеде. Она первая примчалась в амбулаторию, когда в поселке заболел ребенок.

Я уже закончила прием и мыла руки. В открытую дверь была видна дорога. Сперва я подумала, что едет Наташа, — велосипед был ее, новенький, гоночный, украшенный у руля алым бантом.

Со дня покупки этого велосипеда, собственно, и началось наше настоящее знакомство с библиотекарьшей.

Мы с Катей покупали сковороду. Но пока я обдумывала, какая лучше — чугунная или алюминиевая, — Катя исчезла. Я нашла ее в другом конце магазина, где вокруг велосипедов толпились покупатели и болельщики. Наш приятель Боря сосредоточенно осматривал каждую машину, а Катя, присев на корточки, с деловым видом ощупывала колеса, трогала спицы и давала какие-

то советы. Увести ее оказалось невозможным. Я долго ждала, прижимая к груди чугунную сковороду. Рядом со мной стояла библиотекарша Наташа. Только она да я не принимали участия в выборе велосипеда. Я сказала:

«Ведь они все одинаковые, их выпускают по стандарту».

«И все-таки есть разница, — возразила Наташа, — это уж проверено. Но Боря выберет. Он понимает».

«Он понимает, — подтвердил продавец. — Трактористы, они понимают!»

«Что они, сообща его покупают, что ли?»

«Это для меня, — сказала Наташа и почему-то покраснела. — Это я покупаю, — поправились она».

Наконец Борис подкатил к нам блестящую послушную машину:

«Вот эта».

Наташа торопливо раскрыла маленький чемоданчик и вытащила пачку денег, сложенных по сотням.

«Их, поди, и считать не надо, все считаны-пересчитаны, — заметил продавец, тем не менее быстро перебирая бумажки. — Верно, целый год копила?»

Наташа смущенно кивнула. Она была очень счастлива своей покупкой.

И теперь я действительно не ошиблась — велосипед был Наташи, но ехала на нем Лиза. Еще издали она закричала мне:

— Скорей, скорей в поселок... Там с ребенком плохо!

— С каким ребенком?

Лиза мало что знала. Они сидели у Наташи, как вдруг с соседней дачи с криком прибежала женщина. Оказывается, она приехала на дачу утром, а к вечеру ее годовалый ребенок стал задыхаться. Здесь у нее ни знакомых, ни родных. Услышала голоса — прибежала за помощью.

— Мы сразу по велосипедам — и За вами... Ну, и кто первый? — Это было сказано уже не мне, а подъехавшему Борису.

Я схватила шприц, лекарства и побежала в поселок. Навстречу мчалась раскрасневшаяся, запыхавшаяся Катя.

— Мы чай пили... А женщина кричит: «Помогите, помогите!» Все побежали прямо по клумбе... Клавдия Андреевна выскочила и на меня набросилась: «Ходите тут табуном, цветы топчете, безобразие». А разве я виновата, мама? И что важнее — цветы или ребенок? Как ты думаешь?

— Глупый вопрос!

— А Наташа ногу разбила, мама. Руль ка-ак вильнет — и об ствол! Из коленки кровь ка-ак потечет!.. А колесо сломалось... Что теперь будет?

— Ох, Катерина, отстань, не до тебя!

Я боялась инфекционного заболевания. Но у мальчика оказался приступ астмы, вызванный запахами сосны и сена. Молоденькая мать совсем потеряла голову. Я посоветовала ей поскорее увезти ребенка обратно в город.

На лесной дорожке меня ждала Наташа. Она тащила за собой старенький Лизин велосипед. Он был сильно покалечен. Переднее колесо растопырило во все стороны поломанные спицы.

— Что с мальчиком? — спросила Наташа. — Может, надо чем-нибудь помочь?

— Ничего не надо. Лучше скажи — почему ты поехала на чужом велосипеде?

— Кто там стал разбирать! Торопились. Мой Лиза взяла. А я вот об дерево. У вас йод с собой есть?

Обе коленки у нее были ободраны до крови. Я выразила опасение насчет столбняка.

— Тю, обращать внимание! — покривилась Наташа. — Затянет, как на собаке. Она залила колени йодом и дула на них, морщась от боли.

Колени и локти у Наташи острые, темные от загара. Каштановые волосы на концах порыжели и посеклись. Рот и нос еще не потеряли детской неопределенности очертаний. Трудно было поверить, что она уже кончила техникум и живет самостоятельной трудовой жизнью.

Боря и Лиза сидели на ступеньках нашего дома. Я ничего не успела им рассказать о больном мальчике, потому что Зоя Глебовна вынырнула из своей комнаты и прежде всего увидела поверженный Лизин велосипед.

— Как же так? — скорбно воскликнула она. — Что же это такое?

Мы все замолчали.

— Это я, — объяснила Наташа. — У него руль ни к черту не годится. Вихляет.

— Ну, я прямо не знаю, как это он не годится... Лизочка сколько ездила, ездила — и все годилось. Что же, теперь новый придется или как?

У Кати заблестели глаза.

— Новый, — вождленно прошептала она.

Но Лиза ответила спокойно и рассудительно:

— Мамачка, не забудь, что у тебя нет зимнего пальто.

И добавила весело:

— А пока, раз уж так случилось, мы с Наташей будем вместе пользоваться ее велосипедом. Ведь это справедливо?

— Конечно, — подтвердила Наташа.

Борис, сидя на корточках, осматривал поврежденное колесо и посвистывал сквозь стиснутые зубы. Прямые светлые волосы падали ему на лицо. Наташа сняла вышитую золотом тубетейку и неловко надела ее на Бориса. Растопыренной пятерней он убрал волосы под тубетейку и сказал:

— Машина доисторического времени. Типа трактора «Фордзон».

— Странно, — обиделась Зоя Глебовна. — Лизочка десять лет ездила, все ничего — и вдруг... Как-то неожиданно...

— Перетащим его к нам, да, Боря? — предложила Наташа. — У нас в сарае будем чинить.

Борис нерешительно огляделся.

— И у нас есть сарай, — весело сказала Лиза.

На следующий день Боря явился к вечеру чинить велосипед. Катя все порывалась помогать ему, но я решила увести ее подальше.

— А куда мы пойдем, мама?

— Пойдем к Наташе.

— А она, наверное, уже вещи в город повезла.

— Какие вещи?

— Большого ребеночка. Чемодан, узел и авоську.

— Ой, Катерина, ты что-то путаешь!

— Нет, правда, — подтвердила Лизочка. — Эта женщина, как только вы ушли, побежала с ребенком на станцию. Хорошо хоть адрес догадалась оставить. Наташа спрашивала, не поеду ли я с ней вечером в город. Но мы с мамой решили, что нам удобнее утром.

— И она одна потащила все вещи?

Подняв брови, Лиза выжидательно смотрела на меня. Разве от нее еще что-нибудь требовалось?

Мы с Катей пошли к Наташиному дому. У калитки нам повстречались Клавдия Андреевна и наша Зоя Глебовна.

— Шестичасовым уехала, — сообщила Клавдия Андреевна. — Нагрузилась чужими авоськами, узлами. Все эти вещи целый день валялись у меня на веранде. И добро бы родственница была или хоть знакомая. Чужой человек!

Клавдия Андреевна сердилась. Зоя Глебовна ей поддакивала: «Ах, да, да, ах...»

— Думала, пушу на квартиру одинокую девушку — пусть живет, — продолжала Клавдия Андреевна. — И славная она, не могу пожаловаться. Но скажите, — она обратилась ко мне, — у вас, например, есть потребность хохотать во все горло?

Я пробормотала что-то невнятное.

— Удивляюсь, — Клавдия Андреевна пожала плечами. — Я тоже веселый, живой человек, но не представляю себе, чтоб мне захотелось хохотать в голосили топтать ногами, как солдат. В девушке должна быть сдержанность. Вот возьмите Лизочку. Совсем другое!

— Согласна, — заторопилась Зоя Глебовна, — я с вами вполне согласна!

А я была не согласна:

— В восемнадцать лет хохотать и топтать естественно.

— Ах, вы такого мнения...

Клавдия Андреевна почему-то смотрела на Катю, которая висела на моей руке, горячая и тяжелая, как утюг. Катя хотела спать, и я еле дотащила ее до дома. Мы уже легли, когда Зоя Глебовна постучала в дверь.

— Вы не спите? Тут завтра придет один человек, его зовут Иван Петрович... Знаете, у меня просьба, он насчет покоса. Так вот, пусть косит на основании условий прошлого года. Вы ему так и передайте. Он в курсе дела. А то мы завтра уедем... Так что, пожалуйста...

Весь день шел дождь. Катя в плаще с капюшоном бегала в сад смотреть — не прояснилось ли?

Она утверждала, что если где-нибудь откроется кусочек голубого неба, то дождь уже не страшен. Но голубой просвет не появлялся, молодые елки стояли, опустив мохнатые лапы, дождь заполнил всю нашу посуду, выставленную для сбора воды.

Только в обед, когда я прибежала из амбулатории, вдруг туча разорвалась на множество кусков, бешено зачирикали воробьи и роза-ругоза, выросшая у нашего балкона, раскрыла свои лиловатые душистые цветы.

Тут скрипнула калитка и пришел человек в высоких сапогах — насчет покоса. Он осмотрел участок, а мы с Катей шли за ним, всячески обращая его внимание на места, где трава была особенно густой и высокой. Промокли мы до пояса, но зато в самом отдаленном углу участка, у белых стволов берез, нашли целый хоровод молодых, тугих, как пробки, грибов. Каждую находку Катя отмечала радостным воплем. Наш спутник на грибы не обратил никакого внимания, обследовал все закоулки, вернулся к крыльцу и закурил. Я передала ему слова Зои Глебовны: условия — как в прошлом году. Иван Петрович презрительно хмыкнул:

— Не то что сто, а, к примеру, и рубля не дам. Окосить — это я могу. Скошу. За свои труды сено возьму. Вот так.

И ушел.

Вместе с ним ушла хорошая погода. Облака снова соединились и превратились в тучу. Напрасно Катя ходила по дорожке, задрав голову. К вечеру опять заморосил дождь.

Я зажарила наши подберезовики и позвала Катю ужинать. Вдруг на крыльце кто-то зашаркал ногами.

— Можно? — громко спросила Наташа. — Шла с работы, думаю — загляну-ка.

Вот уж мы ей обрадовались!

Она рассказала, как вчера доставила чемодан и узел по городскому адресу. А там ее встретила бабушка, стала проверять вещи и все время строго спрашивала: «А где голубая кастрюлька?», «А новой кружечки что-то не видать!»

— Так мне было неловко, — вспоминая, ежилась Наташа.

Но скоро пришла мать ребенка, и от нее Наташа узнала, что в городе мальчику сразу стало лучше. Женщина просила передать горячую благодарность мне, Лизе и Боре...

Наташа посмотрела в окно, в сторону сарая.

— Боря к нам не приходил, — сообщила Катя, — к нему сегодня товарищ приехал.

Я удивилась:

— Откуда ты знаешь? Ведь целый день дома сидела!

— Хи-хикс! — воскликнула Катя. — Они со станции шли, когда я погоду проверяла. Его зовут Толя. Домой в отпуск приехал. На заводе работает. Потрясаяк парень!

— Ты с ними беседовала, что ли?

— Ага, я у калитки стояла. Боря меня познакомил, и мы разговаривали. Крупноблочно!

— Катька, что за слова?

— Мама, ты не понимаешь — это сейчас самые модные слова.

— Чтобы я их больше не слышала! Садись ужинать.

Когда я нарезала грибы, их было много, а ужарились — осталось всего на доньшке. Может быть, потому они показались нам особенно вкусными.

Наташа сказала:

— Я шла к вам — у самой дорожки лисички растут.

Если у самой дороги, то сколько же их в лесу! Так родилась идея в первое же воскресенье компанией отправиться в лес за грибами.

— И Борю возьмем, и Толю, — радовалась Катя.

— Давай сейчас пойдем предупредим их, — предложила Наташа, — пусть Боря отгульный день возьмет.

— Да! Да!

— Ну куда вы пойдете в дождь, на ночь глядя!

— Ничего, мы в плащах, мы недолго.

У порога Наташа спросила меня:

— Вы не скажете, где мой велосипед?

Велосипед Лиза заперла в сарае и уехала, не оставив ключа. Катя предложила залезть в сарай через окно, но Наташа махнула рукой:

— Ладно, не к спеху...

— Безнадега! — грустно вздохнула Катя.

Я ничего не могла поделать с этим тарабарским жаргоном. Со дня приезда Толи все заговорили на непонятном, нелепом языке. Только одна Лизочка продолжала изъясняться по-человечески.

Мы теперь уже надолго, — пояснила Зоя Глебовна, когда вернулась из города. — Понимаете, Лизочкиному другу надо усиленно готовиться к диссертации. Так вот, чтоб не отвлекать и вообще...

По вечерам наш маленький дом стал местом сборов всей компании, так как Клавдия Андреевна запретила Наташе приглашать к себе гостей. Она как-то появилась на пороге в самый разгар горячих споров и заявила, что от шума даже животное — кот Пышка — забилося под кровать и что она больше не в силах выносить нашествие молодежи.

— Толя сказал: «Н-да, обстановочка — как в Африке. Придется отсеяться».
Наташа заплакала.

Катя возмущалась: «Мама, она не имеет права, ведь она не имеет права! Наташа ей платит за комнату». А потом мстительно и злорадно добавляла: «Ничего, еще почувствует, еще узнает!»

Но теперь ребята собирались реже. Борис работал на дальних участках и приезжал домой раза два в неделю. А Толя приурочил свой отпуск к уборке. Его включили в ремонтную бригаду, и он порой лихо проносился мимо моей амбулатории на потрепанном «газике» Ивана Алексеевича.

Зоя Глебовна не одобряла:

— Каждый человек имеет право на отдых. Ведь надо набраться сил для дальнейшего...

— А я чего-то не понимаю, как это долго отдыхать, — искренне недоумевал Толя. — Я вот сколько бы за день ни наломался, лягу, выплюсь — и пожалуйста, снова здорово! А целый месяц отдыхать — с тоски помрешь.

Он и правда отдыхать не умел. Приходя к нам, тотчас хватался за инструменты и начинал копать в разбитом Лизинем велосипеде. Вдвоем с Борисом они в конце концов починили его и объявили, что машина стала «не хуже примуса». Но Лиза сделала недовольную гримасу и по-прежнему ездила в булочную и в мясной ларек на новом Наташином.

Я с удовольствием смотрела, как уверенно Борис и Толя большими замасленными руками перебирают мелкие штифтики, ролики, гаечки и... кто их знает, как они там еще называются, и сердилась, когда в минуты удачи кто-нибудь из них вдруг радостно вопил: «Люксус бромоза!»

За эти бессмысленные, полные восторга слова, высказанные по поводу подрумяненных блинчиков, Катя получила от меня подзатыльник.

Мальчики уходили от нас к полуночи, а Наташу мы оставляли у себя ночевать — назло Клавдии Андреевне.

Но Клавдии Андреевне это было нипочем. Она нисколько не считала себя виноватой и даже не думала, что обидела Наташу. Она пришла к нам как ни в чем не бывало.

Был субботний вечер. Мы с Зоей Глебовной сидели на терраске и я, вероятно, в десятый раз передавала ей разговор с косарем. Зоя Глебовна задумчиво смотрела на меня и спрашивала:

— А восемьдесят не заплатит?

— Ничего, совсем ничего не хочет платить.

— Странно... А пятьдесят?

У розового куста обсуждался план похода в лес. Наконец-то у всех ребят выкроилось свободное воскресенье. Толя рассказывал:

— Я вчера старика встретил, полную корзину подосиновых тащил. Грибы — один к одному, здоровые, как поленья.

— Ой! Ой! — визжала Катя.

— Только чур — рано встать.

— Меня окликнете, когда будете мимо идти, — предупредила Наташа, — и негромко, а то хозяйка разозлится.

Одна Лиза не принимала участия в разговоре. Она перебирала в шкатулке нитки и что-то задумчиво про себя напевала.

Когда мы уже обо всем договорились, Лиза неожиданно спросила у матери:

— Как ты думаешь, Самойловы не довезут меня завтра до станции на своей машине?

— Какая станция? — закричали все. — Мы ведь завтра в лес!

Лиза пожала плечами. Она в лес не собирается. У нее совсем другие планы.

— Какие плавны! — истошно завопила Катя. — Ну, какие еще могут быть планы, когда все уже решили... Мама, скажи!

Я сказала:

— Замолчи, Катерина.

— Но ведь мы договорились... Сколько дней собираемся... — сумрачно начал Борис.

Его перебил Анатолий:

— Ради этого дня Борька три смены отбабахал, не отходя от руля. Некрасиво так поступать... Теперь все рассыплется...

Лиза усмехнулась:

— Отчего же из-за меня одной все рассыплется? Вон Наташа идет... И доктор... И Катенька...

— Это все не то! — брякнул Толя.

Наташа деланно громко засмеялась.

— Спасибо! — поклонилась я.

Толя покраснел и стал что-то лепетать, но в это время у нашей террасы появилась Клавдия Андреевна. Я повела ее в комнату, где Зоя Глебовна тотчас захлопотала, предлагая гостье чай.

— Я к вам по делу, — сообщила гостья, — у меня беда — часы стали.

— Ах, что вы! — воскликнула Зоя Глебовна. — Ваши замечательные часы!

В просторных сенях Клавдии Андреевны стояли старинные часы, заключенные в высокий деревянный футляр. У них был красивый, мелодичный звон.

— Стали, — подтвердила Клавдия Андреевна. — А куда я их повезу? Я и подумала — Боря Пудалов десятилетку кончил, на тракторе работает. Решила — доверюсь.

В соседней комнате явно прислушивались к разговору. Катя крикнула: «Ага, ага!» И сразу затихла.

Вызвали Бориса. Как всегда, разговаривая со старшими, он краснел и подыскивал слова.

— Ну, часы... Это же дело тонкое...

— Нет, дружок, — строго проговорила Клавдия Андреевна, — уж не хочешь потрудиться — прямо скажи. Не ты ли у Ведерниковых сепаратор починил? А уж до моих часов дошло, так и смекалки не хватает?

Боря окончательно смутился и оглянулся, словно призывая подкрепление. Подкрепление пришло в лице Толи.

— Че-че, часы? — спросил он. — Толково! И не более как. Надуемся и освоим!

На этот раз глупые слова меня почему-то не рассердили. Курносое, сероглазое лицо Толи было озарено живым интересам. Я поняла, что ему доставит огромное удовольствие возможность покопаться во внутренностях редких часов. Но это же поняла и Клавдия Андреевна.

— Я человек рискованный, но до каких-то границ, — заявила она. — Разбирать часы я, может быть, и не позволю. Осмотрите механизм, и если уясните неисправность, тогда поговорим.

Натягивая боты, она долго еще доказывала Зое Глебовне, что риск, конечно, благородное дело, но до известной степени. А Лиза сказала после ее ухода:

— Мальчики, не теряйте зря силы. Эти часы вам не починить.

— Че-че? — сощутив глаза, протянул Толя. И, не выдержав, заговорил, торопясь и сбиваясь: — Думаешь, не приходилось? Мы спецзаказ выполняли, так там в числе прочего были хронометры. Знаешь, какой точности инструмент? Уж будьте споки — запищат в наших руках эти часики. Айда, Борька!

Ему не терпелось. Наташа кинулась к вешалке за своим голубым плащом.

— У нас на столе хорошо будет, Толя, да? Стол под самой лампочкой...

Толя втолковывал Борису:

— Если колесо — это пустяки. Вот триб или пружина — это посложнее. Да ну, ладно, чего раньше времени гадать. Поглядим!

— У некоторых людей, видно, совсем нет самолюбия, — ни к кому не обращаясь, сказала Лиза, — а у меня есть. И в тот дом, откуда нас выгнали, я больше не войду.

Наташа испуганно посмотрела на ребят. Но они пропустили мимо ушей это высказывание.

— А я пойду, — ныла Катя, — еще не поздно, мама, еще светло...

Она постоянно лезла в компанию старших. Но на этот раз ее не поддержала даже добрая Наташа. Я сделала страшные глаза. И Катя, ворча про себя: «Вот всегда так, всегда» — надулась и села в угол с книгой.

Воскресное утро пришло ярко-зеленое, омытое росой. Перед самым домом на пеньке вылезло семейство опят. У дорожек из травы выглядывали колонии поганок. Все это означало, что в лесу грибов видимо-невидимо.

— С чего это мы будем сидеть дома? — решили мы с Катей. — Позовем Наташу да отправимся в лес.

Катя захлопотала, разыскивая в сарае корзину, я резала хлеб и готовила бутерброды. А Зоя Глебовна толковала с косарем, который явился с самого утра.

— Это я даже не понимаю, — говорила она, — какие-то у вас необоснованные претензии. Как же в прошлом году... ведь были определенные условия...

— Год на год не приходится, — отвечал Иван Петрович. — Да я скосить не отказываюсь. Вхожу в положение. Только деньги платить — это уж нет!

— Ну, а сколько же все-таки? — допытывалась Зоя Глебовна.

Из чулана с корзинкой в руках вышла Лиза. Она неторопливо поднялась на крыльцо и улыбнулась матери:

— У тебя, кажется, опять молоко убежало.

Зоя Глебовна бросилась на кухню.

— Можете косить, — с той же улыбкой обратилась Лиза к человеку в сапогах. — Давайте мне восемьдесят рублей — и косите. А не то Матвей скосит.

— Это какой же Матвей, зареченский, что ли? — недоверчиво спросил Иван Петрович.

Он еще потоптался у крыльца, попросил спичку прикурить, удостоил вниманием наши сборы.

— Моя баба вчера кошелку насилу дотащила. За реку ходила.

— Белых?

— Сколько-то и белых... Так как же теперь? Косить, что ли?

— Только деньги заранее, — приветливо предупредила Лиза.

— Нет, так не пойдет, — отмахнулся Иван Петрович и ушел. От калитки он решительно вернулся:

— Четвертную, так и быть.

Лиза не удостоила его ответом. Она повернулась ко мне:

— Я тоже пойду с вами по грибы.

Катя запрыгала.

— У вас опять переменялись планы? — спросила я.

— Переменялись, — светло улыбнулась девушка.

Борис и Толя сидели в комнате, углубленные в переплетения зубчатых колесиков, пружинок, тоненьких рычажков. Перед ними лежали какие-то справочники и том старой энциклопедии. Поджав губы и прищурив глаза, Толя говорил:

— Этот шварцвальдский крюковый ход штука в общем простая...

А Боря бубнил свое:

— Я настаиваю на кодрактуре. Кодрактура шалит.

Наташа сообщила мне громким, проникновенным шепотом:

— Если бы придира позволила разобрать все до винтика, они непременно починили бы!

Лизочка не вошла в дом. Она стояла у цветника, вертела в руке соломенную шляпу и сочувственно слушала сетования Клавдии Андреевны:

— Без этих часов дом точно пустой. Проснулась ночью, лежу, лежу и не могу понять, который час. Не слышу музыкального звона и, можете поверить, тоскую. Уеду сегодня в город.

Лиза кивала головой:

— Да, да, конечно, когда привыкаешь...

Услышав ее голос, Боря насторожился.

— Мы, пожалуй, не станем вам мешать, пойдем без вас, — сказала я, — уж занимайтесь делом.

— Ну кто же в такую погоду сидит в комнате! — донесся Лизин голос.

— Толька, как? — нерешительно опросил Борис.

— Длительный перекур. Компания в сборе, а часики от нас не уйдут.

Мы вышли на дорогу и стали обсуждать маршрут. Борис и Толя знали все грибные места. По их словам, в зареченском лесу белых грибов больше, но зато в Лисий бор ходит меньше народу. Кате почему-то хотелось за реку. Она ссылалась на Ивана Петровича и орала:

— Его баба еле кошелку притащила!

— Значит, нам ничего не осталось, — резонно заметила Лиза.

И мы пошли в Лисий бор...

У железнодорожного шлагбаума стрелочница укоризненно сказала:

— Вас и грибы-то все перепугаются. Разве такой оравой ходят? Разбиться надо.

Лиза протянула свою корзинку Борису:

— Мы с Боречкой в компании.

— А Толя со мной, Толя со мной! — визжала Катя.

Наташа быстрее пошла по зеленой обочине дорожки. Ее непокрытые волосы растрепались и тонкими прядями падали на щеки. Штапельное платье, купленное в магазине готовым, было широко, и Наташа подколола его у талии английской булавкой. Мне почему-то стало жаль ее.

Серебристое овсяное поле тянулось до самого леса. Без усталости можно было идти и идти по дорожке, притоптанной дождем и окаймленной голубыми кружками цикория. Ветер клонил овес в одну сторону — и поле становилось белесо-серым, потом вдруг оборачивалось голубым, и казалось, что в мире, где есть такая свежесть и тишина, не может быть ни горя, ни страданий.

— Кто первым найдет белый гриб, тому исполнение желания!

Эта старая примета вызвала большой интерес.

— Все, все можно пожелать? — допытывалась Катя. — Мама, ну, скажи, по-серьезному!

— Намотать на катушку, — бодро решил Толя.

Перед самым лесом, в овражке, высоко стояли сочные болотные травы. Небольшой, обычно пересыхающий к лету ручеек сейчас от дождя растекся по берегам и только в середине бежал светлой живой ниточкой. Для перехода по грязи и воде были уложены плоские камни.

Наташа первая выбралась на опушку леса. Катя, визжа и цепляясь то за одного, то за другого, чуть не свалила всех нас в тину. Лиза протянула ногу в красной туфельке к первому камню и, качнувшись, отдернула её обратно.

Я знала, что голова у нее не кружится, что ее маленькие ноги достаточно крепки, чтобы перейти по камням, корягам и даже канату, если б это было ей нужно. Но она стояла перед лужей с такой милой беспомощностью, что, Боря, как бы шутя, подхватил ее на руки и, ступая прямо по грязи, перенес на зеленую траву.

Я взглянула на Наташу. Она бросила корзину на землю. Растерянным и горьким было выражение ее полуоткрытого рта. Брови сдвинулись, глаза стали строгими и удивленными.

Когда я окликнула ее, Наташа подхватила корзину, повернулась и убежала в лес. Ее синее платье замелькало далеко среди стволов.

Приподняв шатром опавшую хвою, выглядывали желтые, липкие маслята. Стоило обобрать одно семейство, как впереди снова возвышались бугорки, из которых я вынимала клейкие грибы.

Катя при каждой находке сзывала всех к себе:

— Сюда, сюда, здесь их масса, масса!..

В конце концов ей доставался только тот гриб, возле которого она стояла.

Толя и Боря были завзятые грибники, но каждый собирал добычу по-своему.

— Меня бабушка учила грибы брать, — объяснял Толя.

Он брал их по-хозяйски бережливо, не брезгуя и червивым — «выварятся», — брал и розовые свинушки, и переспелые губчатые подберезовики, и даже презираемые нами сыроежки.

Боря, остроглазый и быстрый, — хватать, хватать! — в минуту обирал целые полянки, аккуратно обрезал каждый грибок и при малейшем намеке на червоточину безжалостно его выбрасывал.

Лизу и Наташу мы потеряли из виду.

Я знала, что в соснах нечего и надеяться найти белый гриб. Надо было перебежать через поляну к дубкам и березам, где в кустах можжевельника среди легкой травки белоуса живут пузатые, тугие и пахучие белые грибы. Но не было сил оторваться от маслят. И пока я колебалась, лес вдруг огласился радостным воплем.

— Сюда, ау-ау, ко мне! — кричал знакомый голос.

Мы все сбежали к Наташе. Она стояла у широкой просеки, уводящей в глубину леса. Увидев нас, она засмеялась громко, в голос, прижимая руки к груди.

— Вот, смотрите, смотрите!

У самой тропки, натянув на шапку сухой лист, стоял благодушный, массивный белый гриб. Возле него, скособочившись, прилепился сынок. Над грибом, точно, как бывает на картинках, покачивался синий колокольчик.

— Вот прелесть! — ахнула я.

Золотое правило «нашел белый гриб — гляди рядом» мы вспомнили только тогда, когда в кустах заверещала Катя. Она тоже нашла белый, не такой большой, не такой картинный, но вполне хороший гриб. Подошла Лиза, ее корзина была наполнена крохотными, как пуговицы, маслятами. Видно, она отыскала богатое место. Поверх маслят лежали два молодых подосиновика в алых фесках. Белых у нее не было.

— Что ж ты отстаешь? — сказала она Борису. — Много потерял.

Боря с виноватым видом протянул ей свои грибы, но даже это сейчас не огорчило Наташу. Она торжествующе улыбалась, будто и впрямь верила, что теперь исполнится ее самое горячее желание.

— Привал — и завтракать! — потребовала Катя.

Усевшись на поваленном стволе березы, она тут же заявила, что и ей полагается исполнение желания.

— Нет уж, матушка, — сказала я, раздавая бутерброды, — не надейся. Исполнение желания одной Наташе.

— А какое у тебя желание, Наташа? — спрашивала Катя, облупливая третье яйцо. — Скажи, ну, скажи, Наташенька! — не унималась она.

— Уступила бы ты нам желание, а, Наташа? — предложил Борис. — Мы часы починили бы.

— Не соглашайся, не соглашайся! — завопила Катя. — Еще чего! Часы! Лучше мне уступи, — умильно попросила она.

— А какие у тебя могут быть желания? Десять порций мороженого? Кило конфет? — насмешливо спросила Лиза.

Я вступила в разговор:

— А вы чего пожелали бы, Лиза?

Девушка глубоко вздохнула:

Так много желаний теснится в груди,
Так много стремлений и грез,
Кто знает, что встретит меня впереди —
Дни счастья иль горя и слез?..

— Лизочка, это ты сама сочинила! Я знаю, честное слово, это она сама, — уверяла нас Катя.

— Грезы! — фыркнула Наташа.

Боря лежал на траве, заложив под голову руки.

— Эх, понимать бы всякую машину досконально! Чтоб только взглянуть — и знать, чем она дышит...

— Нет, так я никогда не соглашусь, — возразил Толя. — Мне своим умом дойти интересней. А заранее все знать — это мне неинтересно.

— Чего же ты хочешь, Толя?

— Ну, чего я хочу, это грибу не осилить. Это я сам должен совершить.

Он сказал это очень серьезно, и все притихли.

— Верно, — лениво отозвался Борис. — А грибное желание только на то и годится, чтоб часы починить.

Звонко засмеялась Лиза. Наташа свела брови и строго посмотрела на нее.

Встретив этот взгляд, Лиза сказала:

— Боренька, я готова держать с тобой пари на что угодно — ничего у вас не выйдет!

— Боря, не спорь! — закричала Катя.

— А если починим? — задорно спросил Борис.

Лиза с жалостливым презрением пожала плечами.

— Желаю, чтоб починили часы! — торжественно, как заклинание, провозгласила Наташа, потрясая в воздухе красавцем грибом.

Возвращались мы домой, когда тихое солнце уже не грело, а только протягивало уставшие лучи на неподвижное овсяное поле. Мы шли довольные, уложив поверх простых грибов ценные боровики, и встречным казалось, что у нас полные корзины белых. Один Толя наломал березовых веток и укрыл ими свою добычу. За день дорога просохла, и усталые ноги мягко шлепали по пыли.

У полустанка нас опять встретила стрелочница.

— Набрали-таки, — улыбнулась она. — Ух, да какой здоровый да ядреный попался! — Она указала на Наташин белый гриб, который весил не меньше полкило.

— И отдала желание напрасно, — грустно сказала Катя.

Она утомилась и висела у меня на руке. Наташа шла рядом, помахивая большим букетом ромашек и колокольчиков. Остальные обогнали нас и шагали далеко впереди.

— Нет, не напрасно, — ответила Наташа. — И вовсе не напрасно, — пропела она.

— А они вовсе не починят, — так же напевно протянула Катя.

Мне это надоело.

— А ты откуда знаешь?

— А я знаю!

— Чего ты знаешь? Ну, скажи нам.

— А то знаю, что, когда Клавдия Андреевна нас выгнала, Лиза потихоньку штучку из часов вытащила. Маленькую такую штучку. И она мне сказала: «Закинь ее подальше, пусть ведьма злится». И я тут же ее в колодец кинула. Ну, как они теперь починят? — Катька хихикнула.

Мне захотелось ее ударить. Хороший день был испорчен. Я оттолкнула Катю, и она, притихшая, плелась сзади, а мы с Наташей, не разговаривая, пошли быстрее, догнали остальных и задержались только у калитки дома Клавдии Андреевны. Дом стоял темный и тихий. Я вспомнила, что хозяйка уехала в город.

— Наташа, пойдем к нам. Не оставаться же тебе здесь одной.

— Нет, спасибо.

Наташа постояла у калитки и, будто пересилив себя, тряхнула головой и окликнула Бориса.

— Помоги мне в одном деле, — сказала она.

— Сейчас? — удивилась Лиза. — А у нас с ним грибы общие, нам разделиться нужно.

Она взяла Борю за руку и увела его.

Тогда Анатолий, словно что-то поняв, сказал без всяких шуточек, спокойно и негромко:

— Если что надо, давай я помогу.

— Нет, — непримиримо отрезала Наташа.

Мы вернулись к себе. На столе лежала груда грибов, и Лизочка под восторженные возгласы Зои Глебовны делила их на две кучки. У куста сирени стоял косарь и курил папиросу.

— Уже пятьдесят дает, — победно шепнула мне Зоя Глебовна.

В нашей комнате, которая целый день стояла с закрытыми окнами, было душно.

— Мама, что же мне делать... ноги мыть, что ли? — жалобно ныла Катя.

— Что хочешь, — ответила я.

В этот вечер мне казалось, будто я непоправимо упустила что-то очень важное в воспитании своей дочери. Мое безразличие ужаснуло Катю. Она заплакала.

А я думала о том, что Наташа осталась одна в пустом доме...

На террасе смеялась Лиза:

— Мама, не отпускай мальчиков. Сейчас жареные грибы будут.

Я вышла в сад.

— Последнее мое слово — шестьдесят, — зывал из-под куста сирени Иван Петрович.

Лиза ему не отвечала.

— Дайте Наташин велосипед, — резко сказала я.

Лиза вскинула удивленные глаза, хотела возразить, но потом молча достала из кармана ключ и отперла сарай.

Я катила велосипед по дороге — такой ровной днем и такой неверной ночью. Было тихо, и только жалобный писк ритмично доносился издали. Чем ближе я подходила к Наташиному дому, тем громче и резче слышен был этот звук. Но только отворив калитку, я поняла, что это скрип колодезного журавля.

Расставив босые ноги, Наташа вычерпывала воду из колодца, поднимала ведро за ведром и выливала в желобок, ведущий к ягоdniку и огороду. Намокшее платье потемнело, облепило ее, и Наташа показалась мне тоньше и выше ростом.

Увидев меня, она прекратила работу, только помахала рукой. Я заглянула в колодец. Далеко внизу в черной яме плескалась потревоженная вода.

— Уже до деревянного сруба дошла, — похвасталась Наташа. — Знаете, это даже приятно. Одно усилие, потом ведро само летит вверх.

— А Клавдия Андреевна?

— Она рада будет. Вода уже застоялась. Давно идет разговор, чтоб колодец вычерпать. К завтраму снова натечет.

Больше мы ни о чем не говорили. Скоро ведро стало не погружаться, а ложиться на бок и зачерпывать густую илистую жижу. Тогда Наташа притащила моток веревки и карманный фонарь. Прояви она хоть немного страха или нерешительности — наверное, я не смогла бы спустить ее в темную яму. Но она быстро и ловко прыгнула в ведро, уцепилась руками за веревку, и мне осталось только следить, чтобы ее не стукнуло о бетонированные стены колодца. Фонарик выглядел сверху крохотным желтым пятном. Держа его, Наташа могла шарить в жидкой грязи лишь одной рукой. Со стен колодца с журчанием просачивалась и прибывала вода. Мы даже не знали, как эта «штучка» выглядит, но когда Наташа ее нащупала, то сразу поняла, что именно она, зубчатая, с винтиком.

Я вытащила Наташу — мокрую, грязную, вспотевшую. От усталости и внезапной слабости она не смогла сразу выбраться из ведра. На нас обеих вдруг напал беспричинный, расслабляющий смех. Сидя на мокрой земле, мы хохотали, вытирая слезы грязными руками. «Штучку», отмытую от песка и грязи, мы бросили на дно деревянного футляра от часов, будто она сама отлетела. Теперь ее нельзя было не найти.

Я переночевала у Наташи. Под утро мне стало жаль Катю. Представлялось, как она просыпается одна в комнате и, может быть, плачет.

Осторожно, чтобы не разбудить Наташу, я вылезла из-под теплого одеяла и надела мокрое, измятое платье. Наташа крепко и спокойно спала. Она была очень юная и очень красивая.

За дверью меня встретило свежее, росистое утро. Розы подняли головы навстречу солнцу. А под сосной валялась брошенная корзина, в которой лежал бесценный белый гриб.